

Семенченко Нина Абрамовна

старший научный сотрудник отдела изучения Израиля и еврейских общин,
Институт востоковедения РАН

Адрес: 107031, Москва, ул. Рождественская, 12

E-mail: semnina2008@yandex.ru

Русская религиозная эмиграция в Палестину. Христианские секты (конец XIX — начало XX вв.)

DOI: 10.24412/2587-9316-2022-00230

В России эмиграция, как таковая, долго не получала сколько-нибудь значительного распространения. В конце XVIII — начале XIX в. Россия вступила в миграционное движение, но, вместе с тем, до конца XIX в. эмиграция была редким, единичным явлением. С 1890-х годов в общий эмиграционный поток влились представители русского и украинского крестьянства. Значительную долю российского эмиграционного потока составляла религиозно-сектантская эмиграция. Для российских эмигрантов Палестина не была привлекательной. Тем не менее, с конца XIX и начала XX в. миграционный поток русских в Палестину нарастал. Данная статья посвящена русским христианским сектантам, которые переселились в Палестину после революции 1917 г., причинам их отъезда, анализу трудностей, с которыми они сталкивались и их решения покинуть Израиль.

Ключевые слова: Палестина, Россия, религиозная эмиграция, русские секты, молокане, баптисты.

...

Для цитирования: Семенченко Н.А. Русская религиозная эмиграция в Палестину. Христианские секты (конец XIX — начало XX вв.) // Христианство на Ближнем Востоке. 2022. Т. 6. № 4. С. 5–24.

Nina A. Semenchenko

Senior Research Fellow, Department for the Study of Israel and Jewish Communities,
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Address: 12 Rozhdestvenka st., Moscow, 107031, Russia
E-mail: semnina2008@yandex.ru

Russian religious emigration to Palestine. Christian sects (late XIX — early XX centuries)

DOI: 10.24412/2587-9316-2022-00230

In Russia, emigration, as such, has not received any significant spread for a long time. At the end of the 18th — beginning of the 19th century, Russia entered the migration movement, but, at the same time, until the end of the XIX century emigration was a rare, single phenomenon. Since the 1890s, representatives of the Russian and Ukrainian peasantry have joined the general emigration flow. A significant share of the Russian emigration flow was religious and sectarian emigration. For Russian emigrants, Palestine was not attractive. Nevertheless, since the end of the XIX and the beginning of the XX century, the migration flow of Russians to Palestine has been increasing. This article is devoted to Russian Christian sectarians who migrated to Palestine after the 1917 revolution, the reasons for their departure, the analysis of the difficulties they faced and their decision to leave Israel.

Keywords: Palestine, Russia, religious emigration, Russian sects, Molokans, Baptists.

...

For citation: Semenchenko N.A. Russian religious emigration to Palestine. Christian sects (late XIX — early XX centuries). *Christianity in the Middle East*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 5–24.

Введение

Палестина, земля, где происходили исторические события, описанные в Библии и в Новом завете, всегда была близка сердцу русского человека. Эта близость находила своё отражение в иконописи, в творчестве писателей, поэтов, художников, архитекторов и т.д. В память о святых местах, представители старшего поколения ещё в середине XX века нередко называли пустоши или заброшенные земельные участки Палестиной или Палестинкой. Вместе с тем, несмотря на трепетное отношение к этой Святой Земле, она оставалась далёкой виртуальной страной, куда русские эмигранты даже не направляли свой взор. Для них Палестина не была привлекательной ни с экономической, ни с политической точки зрения.

В XIX в. это была одна из глубоких провинций Османской империи. Находясь долгие годы под властью Турции, Палестина оставалась малонаселённой и малоразвитой страной, где в ходе многочисленных войн были разрушены древние города. Основные торговые пути с Востока проходили мимо неё. Основное население составляли местные арабы и бедуины. К началу 1880-х годов население страны, по разным данным, составляло около 450 тыс. человек, из них 45 тыс. христиан, 24 тыс. иудеев [Левин 1983. С. 71–72], остальные исповедователи ислам. По стране, в основном, передвигались на повозках и верхом. Единственная железная дорога, которая соединяла порт Яффы с Иерусалимом, была построена в 1898 г. и обслуживала в основном паломников.

Тем не менее, с конца XIX и начала XX вв. наблюдался определённый миграционный поток русских в Палестину. Это были религиозные, глубоко верующие люди, которые решили связать свою судьбу со Святой Землей. Писатель С. Ан-ский пишет о признании одного из них: «вот мечта-ние есть в Палестинку поехать (слово «Палестинка» он произнёс с особой нежностью), землю купить, осесть там» [Кандель].

Переселение русских в Палестину на стыке XIX и XX вв. является лишь небольшим эпизодом обширной русской религиозной эмиграции.

Историю русской эмиграции можно вести уже с XVI в., хорошо известны отдельные её факты. Однако вплоть до конца XIX в. эмиграция была редким, единичным явлением. В XVIII и первой половине XIX вв. Россию покидали, как правило, только представители дворянского сословия, то есть элиты российского общества. Мотивы их отъезда были различны и всегда индивидуальны. Причиной отъезда могло быть нежелание существовать в условиях самодержавной России, либо семейные или бытовые обстоятельства (брак с подданным иностранного государства, длительное лечение за границей). Имели место и единичные случаи временной эмиграции без потери российского подданства для обучения или работы за рубежом, это касалось, прежде всего, художников, инженеров и миссионеров Русской Церкви [Куприн, 2000].

Эмиграция, как таковая, долго не получала сколько-нибудь значительного распространения в отличие от внутренних миграционных процессов. В дореволюционном российском законодательстве такого правового понятия как «эмиграция» не было. Переход россиян в другое подданство запрещался [Попов, 1998. С. 46], а время нахождения вне страны ограничивалось пятью годами, после чего необходимо было вернуться в Россию или подать ходатайство на продление времени пребывания за границей. Если следовал отказ и человек не возвращался, то он лишался гражданства, а в случае, если возвращался позже положенного срока, то подвергался аресту, ссылке до конца своих дней и лишался имущества.

Лишь с 1780-х гг., как отмечает российский историк В. Кабузан, когда границы империи уже не претерпевали существенных изменений, а заселение и освоение внутренних наиболее благоприятных для земледелия территорий всту-

пило в свою завершающую фазу, внешние миграции начали выступать как важный самостоятельный фактор миграционного движения населения страны [Кабузан, 2005].

На первом этапе население слабо участвовало в эмиграционном движении, оно развивалось в основном за счёт национальных меньшинств, и носило, как тогда выражались официальным языком, «инородческий характер». К выезду из страны стремились евреи, немцы, поляки, литовцы и т.д.

С 1890-х гг. в общий эмиграционный поток влились представители русского и украинского крестьянства [Куприн, 2000]. Численность отъезжающих постоянно возрастала. Если за восемь лет до 1907 г. в США прибыло 21 тыс. русских, то за последующие семь лет прибыло уже 144 тыс. человек [Оболенский, 1928. С. 22]. Расширялись и районы выхода эмигрантов. К началу XX в. не было ни одной губернии в России, которая не питала бы эмиграционное движение за счёт своих жителей [там же].

Значительную долю российского эмиграционного потока составляла религиозно-сектантская эмиграция. Раскольники и сектанты, которые долгие годы испытывали систематические притеснения со стороны официальной церкви и государственной власти, были первые, кто включились в этот процесс. В 1898 г. был разрешён выезд за границу первым русским подданным — приверженцам секты духоборов, притом возвращение в Россию им было запрещено.

Религиозная эмиграция, по определению российского историка А.В. Попова, это эмиграция, главным и определяющим мотивом которой является невозможность для отдельных представителей или целых религиозных сообществ соблюдать в полном объёме самые существенные обрядово-конфессиональные нормы исповедуемой веры. Исходя из этих посылок, к религиозной эмиграции из дореволюционной России, можно отнести «исход» представителей старообрядческих согласий, этноконфессиональных сообществ меннонитов, духоборов и молокан, а также членов неко-

торых сект (субботников, штундистов и др.) [Попов, 2005; Пронин, 2016].

После принятия в 1880-х гг. закона о всеобщей военной обязанности религиозная эмиграция приняла массовый характер.

Основная масса эмигрантов оседала в Канаде, так как там было много пустующих земель и правительство было заинтересовано в их освоении. Более того по религиозным мотивам можно было получить освобождение от службы в армии. Определённая часть русских сектантов (духоборы, молокане) направлялась на запад и северо-запад США, в Южную Америку. Незначительная часть эмигрантов направлялась в европейские страны.

В Палестину в разные годы направлялись глубоко верующие русские. В основном, это были последователи двух направлений русского сектантства: иудействующие (иудеи-прозелиты, субботники и т.д.) и сектанты-христиане (молокане разного толка, адвентисты, баптисты и др. Эти религиозные секты были широко распространены в России с конца XVIII в. и особенно в XIX в., прежде всего в Астраханской губернии, Орловской, Московской, Тамбовской, Тульской, Саратовской, Тобольской, на Кубани и на Кавказе, и в Закавказье, в Воронеже и на Алтае.

Эмиграция русских в Палестину не была столь массовой в современном её понятии. Хотя уезжали многие. Переселялись они на Святую Землю с тем, чтобы укорениться на той Земле и жить «ближе к Сиону, ближе к Богу». Как правило, представители каждой секты уезжали группами или семьями из одного местожительства. Так, например, в конце 1890-х гг. вместе с Авраамом (Агафоном) Куракиным и его семьёй уехало ещё тридцать семей из с. Солодники и соседних сёл Астраханской губернии. В 1920 г. из станицы Отрадной Кубанской губернии уехали девять семей субботников. В 1922–1924 гг. из Владикавказа уехали 27 молоканских семей.

В нашей статье мы рассматриваем переселение в Палестину представителей только русских христианских сект. История эмиграции русских иудействующих не входит в предмет нашего исследования.

Молокане и другие христианские секты

Как было отмечено выше, Святая Земля была близка сердцу каждого русского, независимо от того исповедует ли он православие или является членом иных христианских деноминаций. Вместе с тем, приняли решение переселиться на Святую Земля лишь молокане и отдельные семьи баптистов, адвентистов, пятидесятников и др.

В России молокане представляли собой не единую церковь, а скорее религиозное движение с единым корнем, но с большими различиями во взглядах, песнопениях, учении, соблюдаемых праздниках. Среди таких направлений в молоканстве заметно выделяются «мокрые молокане» (практикующие водное крещение), молокане-прыгуны, молокане-субботники (соблюдающие субботу), молокане-воскресники и другие. На первом этапе своего развития молокане и духоборы как «духовные христиане» были религиозным единым течением. В 1765 г. молокане отделились и стали развиваться как самостоятельное учение.

В отечественной историографии имеются немного работ о молоканах и их эмиграции. Изучались только отдельные аспекты их жизни. Ввиду закрытости молоканской общины невозможно было провести комплексный анализ особенностей этой общины. Большую роль здесь, по мнению российского исследователя О.И. Самариной, сыграла антирелигиозная политика, существовавшая в советское время, которая мешала объективному изучению истории этой секты [Самарина, 2004. С. 1].

Молокане, как и другие секты в разные периоды переживали различные по размаху и степени жёсткости преследования и репрессии. По определению Святейшего синода

молокан, как и субботников, причисляли к особо вредным сектам [Нитобург, 1999. С. 34–51]. Во время правления Александра I община находилась в относительной милости у властей, однако, с приходом Николая I возобновились гонения. Так, были введены запреты на молитвенные собрания и проведение обрядов молокан.

С 1830-х гг., по специальному указу Николая I закавказские провинции были открыты для заселения их молоканами, духоборами и субботниками. Тогда же они были высланы из Тамбовской, Саратовской и Воронежской губерний на Кавказ, на территорию Армении, Азербайджана и Грузии, на границу с Турцией и Персией [Рудевич]. Не дожидаясь ссылки, многие бежали в Саратовскую губернию, за Волгу вплоть до Самары и Оренбурга, а также в калмыцкие и казахские степи [Лункин, Филатов, 1999].

Таким образом, власти решали две задачи, изолировали «вредных сектантов» от населённых областей, и, одновременно с их помощью осваивались новые территории.

Будучи трудолюбивыми, молокане смогли в местах ссылки стать крепкими хозяевами, зажиточными казаками, некоторые, например, некие Попов и Яковлев из станицы Павлодольской на Тереке, уже в 1917 г. возвели водяные мельницы, что другие крестьяне не могли позволить себе. Жили они компактно. Так в той же станице Павлодольской в 1825 г. было 84 двора, чьи хозяева были молоканами, а в 1881 г. молокане составляли треть жителей станицы [Основание станицы Павлодольской...]. Среди них можно упомянуть ещё ряд фамилий: Пушкарёвы, две семьи Лисицыных, Добролюбовы, Жулины, и другие.

Молокане были известны всегда своей законопослушностью. При этом, где бы они ни проживали, они умели приспособиться к новым природным, этническим, правовым условиям, сохраняя при этом свою самобытную традицию [Самарина, 2004. С. 3]. Подтверждение тому их процветаю-

щие хозяйства и добрососедские отношения даже в горных районах Армении и в Азербайджане [Karny, 2000].

В конце XIX в. число молокан в России превышало 500 тыс. человек. Большинство из них жили на Юге России (Николаеве), в Закавказье (на территории Азербайджана, Грузии и в Карской области, которая впоследствии отошла к Турции), на Северном Кавказе и в Поволжье.

После 1905 г. эмиграционный поток сократился, хотя немногочисленная эмиграция продолжалась. Сектанты выезжали, в основном, в Северную и Южную Америку, в Мексику и Австралию.

Революционные события и Гражданская война начала XX в. принесли молоканам и другим сектантам новые страдания, что подтолкнуло их, как и многих других, покинуть Россию. В тяжёлых боях советская власть устанавливалась на Юге России и на Северном Кавказе, на Кубани, в Ставрополье и на Тереке. В ходе ожесточённых столкновений между бойцами Красной и Белой армиями города и станицы переходили из рук в руки. Страдало всё население. В ходе войны крепкие хозяйства молокан были разграблены, то одной, то другой стороной. Они были, чуть ли не первыми, у кого опустошали закрома и отбирали продовольственные запасы.

Будучи глубоко верующими, молокане старались не участвовать в военных действиях, что вызывало к ним недоверие и подозрительность, недопонимание у воюющих сторон, что повлияло на усиление негативного отношения к ним.

После установления советской власти молокане, другие сектанты, опасались антирелигиозной политики советов. Более того, ещё не были забыты гонения и преследования, которым сектанты подвергались в годы царской России. Память о религиозной нетерпимости со стороны властей, бесправном положении и ссылках, способствовали росту эмиграционных настроений. Наряду с рассказом

о трудностях переезда, адаптации и обустройства в новой незнакомой стране, в письмах от ранее уехавших за рубеж родных, была подчёркнута свобода религиозной жизни, что немало повлияло на принятие окончательного решения покинуть страну.

Среди молокан, планировавших эмигрировать, оказались семьи, решившие переселиться в Палестину. Не осталось сведений о том, когда и почему они решили уехать в Палестину. По рассказам их потомков, это была не столько эмиграция из России, сколь переселение на Святую Землю¹. Не исключено, что такое решение возникло именно у молокан-субботников, когда во время гражданской войны местные субботники поспешно уезжали в Палестину.

В Палестину переселились молокане из Ставрополя, Владикавказа и его окрестностей, из Закавказья и города Николаева, баптисты из Тифлиса, адвентисты с Терека. Вполне вероятно, что это были первые русские молокане, которые направились в эмиграцию на Святую Землю. Они обратились к властям за получением разрешения на выезд из страны. Получали разрешение не все и не сразу. Многие уезжали легально, с советскими паспортами. Но часть уходила нелегально, имея с собой документы и другие свидетельства Российской империи.

Переезд а Палестину

Переезд в Палестину не был простым. Ещё в августе 1914 г., с началом Первой мировой войны теплоходы Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) не стали заходить в порт Яффы. Чтобы попасть в Палестину, независимо от того, как эмигранты выезжали: легально или нелегально, надо было делать остановку в какой-либо промежуточной стране — Турции, Персии, Сирии, Греции, Италии и т.д. Более того надо было получить от британских властей разрешение на въезд в Палестину.

¹ Из архива автора.

Русские сектанты-христиане не приезжали организовано в Палестину. Они не были связаны с сионистскими организациями, которые оказывали помощь русским субботникам.

Показательный пример эмиграции 27 семей из Владикавказа. Часть из них переправилась нелегально в Персию, затем в Сирию, часть выехала в 1922–1924 гг. морем из Батуми. На первой их остановке в Одессе четыре семьи решили вернуться на Кавказ. Далее, попав в Италию, затем в Грецию в портовый город Пирей, часть семей уехала в Мексику и Америку, ещё четыре семьи решили вернуться в Россию, и лишь небольшая часть твёрдо придерживалась своего первоначального решения переселиться в Палестину.

По рассказам потомков молокан, для получения разрешения на переселение в Палестину, их представители — главы двух семей (Поповых и Лисицыных) направились в Иерусалим как паломники, добились приёма у британского Верховного комиссара и объяснили ему свою ситуацию. Спустя шесть месяцев члены трёх молоканских семей начали поочерёдно получать долгожданное разрешение. Они оказались в Палестине на правах немногочисленных эмигрантов, которые обустроивались самостоятельно.

Русские сектанты в Палестине

По прибытию в Палестину, несколько семей молокан и адвентистов поселились в небольшом селе Магдал, зная, что в этом районе проживали русские семьи (это были русские субботники), и неподалёку находился «Русский сад» — земельный участок на берегу Тивериадского озера, принадлежащий Русской духовной миссии в Иерусалиме. Другие переехали в район города Хайфы, на гору Кармель, в Тивон и в промышленный район — Нешер и Кириат Харшет. Некоторые молодые супружеские пары остались в Яффе и прибрежных кварталах строящегося города Тель-Авив. Часть молокан с помощью знакомой семьи Островских из Влади-

кавказ, остановились в г. Кфар Саба, одна семья обосновалась в г. Раанана. Остальные рассредоточились по разным районам страны, в поисках работы и жилья. Баптистские семьи из Тифлиса осели вначале в Иерусалиме, затем в прибрежной полосе — Хашфела.

О том, что в Палестине проживают молокане, рассказывал в своих очерках историк Юлий Марголин, который путешествовал по стране. На севере страны он встретил русских, которые попали в Палестину в разное время и разными путями.

«Милюхины имели рыбные промыслы где-то южнее Баку, близ персидской границы. Ловцы — для них море то же, что орловскому мужику ржаное поле или охотничья тайга... В должный срок их раскулачили. Дом, снасти, лодки — все пошло в колхоз... Милюхины украли собственную лодку и под двумя парусами — четверо взрослых и четверо детей — прокрались мимо стражей в открытое море. Трое суток были в пути и прибились к персидскому берегу... В 1950 году, после долгих мытарств на дикой персидской земле, Милюхины решили опять придвинуться к морю... В “Еврейском комитете”, в Тегеране, предложили Милюхиной, которая в течение года работала уборщицей, ей и всей её семье место в самолёте в Израиль. Таким образом, Милюхины прибыли в рамках иммиграции персидских евреев [Марголин, 1975. С. 70–71].

А вот семья Жулиных: жена хозяина дома вместе с отцом-молоканином в 1924 году попала на Святую Землю. Муж ее из секты “Свидетелей Иеговы”. У них просторный деревенский дом, крепкое крестьянское хозяйство. Обжились на этой земле, дети говорят по-русски, на иврите и арабском» [там же. С. 67–68].

Русским сектантам, было нелегко адаптироваться к новым условиям жизни. К обычным трудностям, связанным с переменой места жительства, в Палестине добавились и специфические трудности — непривычный климат и ланд-

шафт, незнакомая среда обитания, новое общество с незнакомыми традициями, новый язык и новые обычаи.

Некоторые семьи приобрели жильё, другие дома с приусадебным участком, третьи арендовали жильё. Молодое же поколение сектантов старалось не заниматься сельским хозяйством. Они работали на цементном заводе, на фабриках, в автомастерских, были водителями, занимались рыболовством и т.д.

Русские сектанты в целом не боялись трудностей. Они приехали на Святую Землю, чтобы свободно жить по своим религиозным канонам, сохраняя свою идентичность. Они не готовы были ассимилироваться, тем более принять иудаизм. В большей своей части они оставались русскими христианами.

Отношение местного населения к русским было смешанным. Соседи развивали с ними спокойные соседские, порой дружеские отношения, но вместе с тем, относились к ним как к инородному элементу, как к «гоям», не евреям, иногда имели место проявления неприязни, реже враждебности.

Не смотря на различие между этими сектами (молоканами, адвентистами, баптистами и т.д.), находясь в чужом и не всегда доброжелательном окружении, сектанты развивали между собой дружеские отношения, помогали друг другу и даже вступали между собой в брачные отношения, ставя этнические чувства выше конфессиональных. Более того, из-за религиозно-гендерных проблем, браки заключались также между сектантами и русскими субботниками.

По объективным и субъективным обстоятельствам представители каждой из русских сект в Палестине не могли развиваться как религиозно-этническая община. Прежде всего секты были немногочисленные и их члены не проживали компактно. Во-вторых, ни у одной секты не было религиозного предводителя — учителя, наставника, пресвите-

ра. Ни одна секта не имела своего молитвенного дома². Так, например, по воспоминаниям Ивана Фёдоровича Л. адвентистка Паша (М) Жулина из Нешера, периодически ходила на собрание к баптистам в Хайфе³.

Отсутствие религиозного объединяющего центра, неизбежно влияло на сохранность религиозности у молодого поколения. К тому же, общая ситуация в стране вносила свои коррективы в духовную жизнь сектантов. Тяжёлое материальное положение, а затем экономический кризис 1930-х гг. выдвигали на первый план необходимость решать сугубо «мирские» проблемы. Молодое поколение сектантов постепенно овладевало ивритом и могло свободно общаться с местной молодёжью. Нерелигиозная атмосфера царившая в тот период среди новых еврейских поселенцев в Палестине, не могла не оказывать своё влияние на молодых сектантов. Младшие дети также росли в этой атмосфере. Они ходили в общеобразовательные еврейские школы и воспитывались наряду с другими детьми в духе свободы, просвещения и эмансипации.

Вместе с тем, среди молокан и адвентистов были некоторые семьи, которые, желая охранять своих детей от влияния иудаизма, отправляли их на учёбу в английскую протестантскую или французскую католическую школы-интернаты в г. Яффа. Но возникала новая проблема, дети приезжали домой только на выходные. Таким образом, дети реже общались с родителями и выходили из-под их религиозного влияния.

С годами, отметил приехавший в начале 1950 гг. в Израиль, возглавивший в начале XXI в. молоканскую общину г. Сан-Франциско, И. Кастрыкин, палестинские молокане постепенно «теряли своё молоканство» [Кастрыкин, 1974]. Процесс ослабления религиозности проходил и среди других сект. Молодое поколение, хотя и оставалось верующим,

2 Запись интервью с В. Лисицыной, взятое ее внучкой в с. Курской Ставропольского края в 2008 г.

3 Интервью состоялось в 2015 г. в с. Курской Ставропольского края.

но менее религиозным. Постоянное общение с мало религиозным окружением, с еврейской молодёжью приводило к более тесной связи с ними. Были случаи, когда молодые баптисты заключали брачный союз с девушками из еврейских семей. При этом им приходилось пройти гиюр и принять иудаизм. Сектанты, которые не связывали свою судьбу с еврейскими семьями, сталкивались с трудностями иного рода. В Палестине в своё время, а затем в Израиле браки были только религиозные: по иудейским, мусульманским или христианским канонам, проводя соответствующий обряд. И поскольку сектанты не принадлежали ни к одной христианской церкви, решение вопроса венчания молодых было не простым. Среди молокан А. Попов имел право на заключение союза между супругами. Другим, приходилось проводить бракосочетание за пределами страны, что было связано с немалыми расходами. Самая близкая страна, где можно было заключать нерелигиозный брак, был Кипр.

С другой проблемой, которая связана с религиозными ведомствами, сектанты столкнулись не сразу, лишь, когда стали уходить из жизни представители старшего поколения, вставал вопрос о погребении. В Палестине и в Израиле кладбища также находились и находятся в ведении религиозных ведомств. На еврейских кладбищах нельзя хоронить не евреев. На мусульманских кладбищах хоронили и хоронят только мусульман. На русских православных кладбищах при церквях и монастырях, также не положено хоронить не православных. Таким образом, проблема, связанная с захоронением, также становилась для русских сектантов весьма серьёзной.

Существовавшие проблемы не помешали русским участвовать в становлении будущего государства и его обороне. Местные органы Ишува и ряд еврейских компаний прибегали к помощи русских при выполнении тех или иных задач. Так, например, в период британского мандата в Палестине, евреи не могли свободно въезжать в страну. Многие прибы-

ли нелегально и старались избегать контактов с британскими чиновниками и полицией. И когда, в период экономического кризиса или столкновений между арабами и евреями возникла необходимость ввоза товаров из соседних стран, еврейская сторона обращалась к русским водителям. Мандатная полиция не препятствовала им как не евреям, пересекать границу и ввозить из Бейрута и Сирии продукты и товары.

После Второй мировой войны В.Ж. (В. Жулин) и И.Л. (И. Лисицын) доставляли из порта Хайфы в один из кибуцев под Иерусалимом, привезённые из Европы и разобранные на части самолёты. В кибуче нелегально собирали эти самолёты и готовили их к эксплуатации. Полиция тщательно проверяла еврейских водителей и их груз. К русским водителям отношение было более лояльным и им не чинили проблем.

В какой бы сфере ни работали русские — на транспорте, на заводах, на консервной фабрике, они отличались добросовестным отношением к работе и старательностью.

Русские сектанты в Израиле

После создания государства Израиль в 1948 г., эмиграция русских из Советского Союза в эту страну практически прекратилась. Несколько русских сектантских семей (субботники, молокане, адвентисты) переселились в Израиль из Китая, в основном из Харбина и из Персии (Ирана).

Большинство русских сектантов, где бы они ни проживали — в России, Канаде, США и т.д., отказывались по религиозным мотивам служить в армии. В Палестине официально несли службу только британские войска, всеобщая мобилизация местного населения при этом не проводилась. Поэтому перед русскими не стояла проблема службы в армии. Однако с образованием государства Израиль, все граждане (соответствующего возраста), проживавшие на территории нового государства, были военнообязанным. Представители двух

семей — Сапунковой и Пархоменко — отказались служить в израильской армии, и были уволены с места работы.

2 июня 1948 г., в разгар войны за независимость Израиля, в канцелярию премьер-министра Д. Бен-Гуриона пришло письмо, подписанное семьями Сапунковой и Пархоменко. В письме говорилось, что его авторы, будучи русскими, отказались служить в израильской армии, за что были уволены с работы и поэтому хотели бы выехать в СССР. Вопрос о прохождении Сапунковым и Пархоменко воинской службы в израильской армии стал предметом спора между советским и израильским правительствами. В итоге ситуацию удалось урегулировать [рз, 1988. С. 450–451].

В итоге вопрос был решён. В ноябре 1956 г. семья Сапунковых была включена в список советских граждан, которым предстояло вернуться в Советский Союз, в обмен на выезд соответствующего числа евреев из СССР [там же, 1988. С. 450–454].

Вопрос о дальнейшем проживании русских в Израиле становился все актуальнее. Вопрос о репатриации и о вторичной эмиграции был не прост. После долгого ожидания, часть молокан (Сапунковы, Поповы, Лисицыны, Балабасовы и др.), после смерти Сталина получила въездные визы, и в 1954–1957 гг. уехала в Советский Союз. Большая же часть молокан (Кастрикины, Жулины, Поповы, Милюхины и др.) переселилась в 1950 гг. в США, главным образом в Калифорнию, где в начале века обосновалась молоканская община [Кастрыкин, 1974]. Туда же отправлялись и некоторые баптистские семьи.

Таким образом, к середине 1950 гг. в Израиле практически не осталось русских молокан и адептов других христианских сект. Отсутствие условий и перспектив для развития своей религиозной общины сделало невозможным их дальнейшее проживание в этой стране. Вместе с тем, не исключено, что отдельные их потомки остались в Израиле в составе смешанных семей.

Литература

- Кабузан В. Миграция в Российской империи // Отечественные записки. 2005. № 4.
- Кандель Ф. История и истории. Том второй. История российских евреев, 1881–1917 гг. Часть третья (1881–1917 годы). Очерк — приложение. Йудействующие [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.felixkandel.org/books/57.html> (дата обращения: 29.10.2022).
- Кастрыкин И.Г. История духовных христиан молокан в Израиле // Вестник духовных христиан молокан. Сан-Франциско. 1974. № 1. Апрель. С. 26–29.
- Куприн Д.О. Эмиграция из России в конце XIX — начале XX вв. Автореф. дис. <...> канд. ист. наук. М., 2000.
- Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Конец 90-х: возрождение религиозной нетерпимости // Нетерпимость в России: старые и новые фобии / Под ред. Г.С. Витковской и А.В. Малашенко. Уфа-М.: Московский центр Карнеги, 1999. С. 136–150.
- Марголин Ю. Несобранное. Израиль, 1975.
- Нитобург Э.Л. Русские религиозные сектанты и староверы в США // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 34–51.
- Оболенский В.В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928.
- Основание станицы Павлодольской и формирование казачества. Жизнь и быт казаков. (1777–1920 гг). Материалы Музея школы ст. Павлодольской [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://myzeipavlodolsk.ucoz.ru/index/osnovanie_stanicy_pavlodolskoj_i_formirovanie_kazachestva_zhizn_i_byt_kazakov_1777_1920gg/0-10 (дата обращения: 29.10.2022).
- Попов А.В. Российское православное зарубежье: История и источники. С приложением систематической библиографии. М.: ИПВА, 2005. 619 с.
- Попов А.В. Русское Зарубежье и архивы // Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. IV. М., 1998.
- Пронин А.А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 гг. Дисс. <...> докт. истор. наук. Челябинск, 2016.

Рудевич А. Русская религиозная эмиграция [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://cyrillitsa.ru/past/21740-russkaya-religioznaya-yemigraciya.html> (дата обращения: 29.10.2022).

Самарина О.И. Общины молокан на Кавказе: история, культура, быт, хозяйственная деятельность Автореф. дис. <...> канд. ист. наук. Ставрополь, 2004.

Karny Yo'av. Highlanders. A Journey to the Caucasus in Quest of Memory. N.Y., 2000.

זק מ. 40 שנות דו-שיה עם מוסקבה [Зак М. 40 шнот ду-сиах им Москва (40-летний диалог с Москвой). Тель-Авив, 1988. С. 450-451].

יפה ב. דיקונה של ארץ-ישראל ישראל [Йоффе Б. Дьякона шел эрец-исраэл 1840–1914 [Портрет Палестины 1840–1914], б/м., Изд. Двир/Карта, 1983. С. 71–72].

References

Kabuzan V. Migration in the Russian Empire. *Otechestvennye zapiski*, 2005, no. 4. (In Russian)

Kandel F. History and stories. Volume two. History of Russian Jews, 1881–1917 Part three (1881–1917). Essay — application. *Judaizers*. URL: <https://www.felixkandel.org/books/57.html> (date of access: 10/29/2022). (In Russian)

Karny Yo'av. Highlanders. A Journey to the Caucasus in Quest of Memory. N.Y., 2000.

Kastrykin I.G. History of Molokan Spiritual Christians in Israel. *Bulletin of Molokan Spiritual Christians*, San Francisco, 1974, no. 1, April, pp. 26–29. (In Russian)

Kuprin D.O. Emigration from Russia in the late XIX — early XX centuries. Abstract dis. <...> cand. ist. sciences. Moscow, 2000. (In Russian)

Lunkin R.N., Filatov S.B. The end of the 90s: the revival of religious intolerance. *Intolerance in Russia: old and new phobias*. Ed. G.S. Vitkovskaya and A.V. Malashenko. Ufa-Moscow, Carnegie Moscow Center, 1999, pp. 136–150. (In Russian)

- Margolin Yu. Unassembled. Israel, 1975. (In Russian)
- Nitoburg E.L. Russian Religious Sectarians and Old Believers in the USA. *Modern and Contemporary History*, 1999, no. 3, pp. 34–51. (In Russian)
- Obolensky V.V. International and intercontinental migrations in pre-war Russia and the USSR. Moscow, 1928. (In Russian)
- Popov A.V. Russian Diaspora and archives. Materials for the history of Russian political emigration. Issue. IV. Moscow, 1998. (In Russian)
- Popov A.V. Russian Orthodox Diaspora: History and Sources. With an appendix of a systematic bibliography. Moscow, 2005, 619 p. (In Russian)
- Pronin A.A. Russian emigration in domestic dissertation research 1980–2005 Diss. <...> dr. history sciences. Chelyabinsk, 2016. (In Russian)
- Rudevich A. Russian religious emigration. URL: <http://cyrillitsa.ru/past/21740-russkaya-religioznaya-yemigraciya.html> (date of access: 10/29/2022). (In Russian)
- Samarina O.I. Molokan communities in the Caucasus: history, culture, being, economic activity Author. dis. <...> cand. history sciences. Stavropol, 2004. (In Russian)
- The foundation of the village of Pavlodolskaya and the formation of the Cossacks. Life and life of the Cossacks. (1777–1920). Materials of the School Museum Art Pavlodolskaya. URL: http://myzeipavlodolsk.ucoz.ru/index/osnovanie_stanicy_pavlodolskoj_i_formirovanie_kazachestva_zhizn_i_byt_kazakov_1777_1920gg/0-10 (date of access: 10/29/2022). (In Russian)
- הקמה של יישובים מולדובסקים וצ'כ'ים ב-1920 (In Hebrew)
- 1840-1914 יישובים של ארץ-ישראל ישראל (In Hebrew)